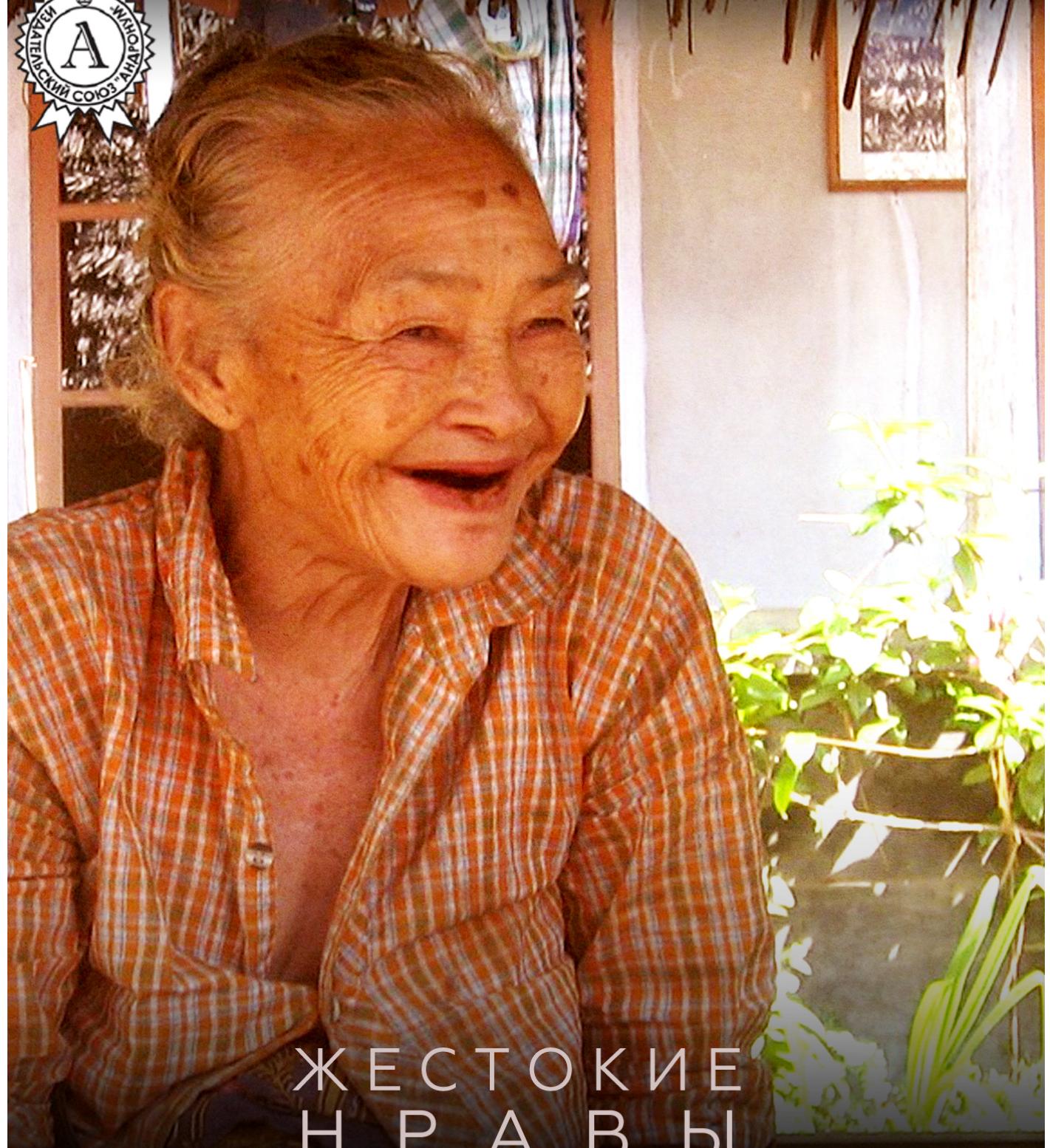

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

ЖЕСТОКИЕ
НРАВЫ

СОБАЧЬЯ
СТАРОСТЬ

Жестокие нравы

Надежда Нелидова

Собачья старость

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Нелидова Н.

Собачья старость / Н. Нелидова — «Мультимедийное изда
тельство Стрельбицкого», — (Жестокие нравы)

Не приведи никому Бог такой старости. «У нас тоже, как на Востоке, уважают старость. Пока она на ногах. Пока возится в огороде, закатывает банки, нянчится с внуками, тратит пенсию на любимых детей. Переписывает на них квартиры, машины, гаражи. Как только старость обессилеет, сляжет и начнёт ходить под себя, — сыны и дочки немедленно вспоминают, что они никакой не Восток, а совсем даже наоборот: настоящая Европа. А в Европе, извините: дети сами по себе, родители сами по себе».

© Нелидова Н.
© Мультимедийное изда

тельство Стрельбицкого

Содержание

ПЫЛЬНЫЕ МУЗЫРИ	5
ИСПОЛНИТЕЛЬ ЖЕЛАНИЙ. ДВУХРАЗОВЫЙ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Надежда Нелидова

СОБАЧЬЯ СТАРОСТЬ

ПЫЛЬНЫЕ МУЗЫРИ

«Девы были взволнованы, как лесное озеро в грозу».

Спасибо классику, в данном случае под взволнованными девами подразумевается женское население дома престарелых. Кто, сунувшись головой в шифоньер, лихорадочно копался в лежальных затхлых стопках одежд, ещё с мирного времени (из того, домашнего мира). Кто в панике побежал покупать с пенсии в ближнем сэконд-хэнде короткие штанишки «капри» кислотных расцветок и кофточки с американскими мультишными мордочками – при надевании они сползали под мышки и на животы.

Да что там, даже персонал подтянулся, даже одинокие врачи в возрасте: одёрнули халаты, сделали выговор сестре-хозяйке за плохую глажку и не простиранное пятно. С хрустом развернули артозные плечи, выпятили увядшие груди: рано списывать, ещё хоть куда. Ско-вырнули с опухших ног тапки, вытащили из-под кушеток пыльные туфли.

В дом престарелых поступил новый жилец. Мужчина. Потёртые голубые джинсы, под кашемировым пиджаком – жилет красивой ручной вязки. Полосатый шарф трижды обвёрнут вокруг шеи. Сам выкатил из такси великолепный клетчатый чемодан на колёсиках. Высок, худощав, крепко надушен. Уцелевшие серебряные пряди хорошо промыты и тщательно расчёсаны, ходит, опираясь на трость.

Официантке сказал: «Голубушка» – чем завоевал её вечное расположение и добавочную котлетку на обед. Попросил себе отдельную тарелочку, на ней мятоя алюминиевой ложкой делил хлебную котлетку на микроскопические кусочки и изящно отправлял в рот, осторожно жевал вставными зубами. Ах, какой!

Ольга Сергеевна, как ни хотелось самой себе в том признаться, тоже поддалась всеобщему переполоху и произвела некоторые действия. По утрам возобновила зарядку, вечерами подолгу дефилировала по аллейке, втайной надежде встретить благородного старика.

Внеурочно постриглась и подкрасилась в парикмахерской. Парикмахерша предлагала ещё татуировать брови и стрелки у глаз, но Ольга Сергеевна вовремя опомнилась.

А что вы хотите: весна, весна! Кастрированный кот, любимец Ольги Сергеевны (иметь животных в доме престарелых категорически запрещалось, но жилички их упрямо подбирали и прятали, при покрывании младшим персоналом), – и тот чрезвычайно активизировался. До семи раз в день истово любил и терзал её старую шерстяную кофточку.

Ольга Сергеевна имела право рассчитывать на взаимность со стороны аристократического старика.

Истинное лицо человека, как известно, определяет старость. В 20 лет у женщины лицо, какое дал господь Бог. В 30 – какое сделала сама. А после 50 – какое заслужила. Так вот, у какой-нибудь старухи проступит рыло – не приведи Бог. А у другой бабушки разольются по лицу умильные морщинки-лучики, омоют и разгладят их внутренние тепло, свет и доброта. Ольга Сергеевна была из последних.

Она не озлобилась на мир и на людей, хотя всю жизнь прожила одна. В последние годы к ней приходила по графику социальная работница, сначала два раза в неделю, потом три.

Кроткая, приветливо всем кивающая сиреневой одуванчиковой головой, Ольга Сергеевна едва не отправила на воздух родной девятиэтажный дом, в очередной раз забыв зажечь газ под чайником. У соседей, несмотря на всю симпатию и жалость к старушке, лопнуло терпение.

Правдами и неправдами её признали недееспособной и общественно опасной, и отправили в дом престарелых.

Оленька «рвалась и плакала сначала». Диким и противоестественным казалось жить в одной палате с пятью чужими женщинами. Со своими вековыми привычками, дурными настроениями, едкими обидами на родню, с болячками, храпом и прочими испусканиями физиологических звуков и запахов. Дикостью казалось питаться в огромной мрачной гулкой столовой, куда разве что строем по сигналу не водили.

Душ и туалет находились в конце коридора, кабинки без шингалетов. Старушкам приходилось проявлять чудеса акробатизма. Одной ручкой ловко держали спущенные штаны, другой вцеплялись в дверь, чтобы никто не вошёл – всё это в позе роденовского мыслителя. При этом периодически не забывали попискивать: «Занято!»

Будто их, восьмидесятилетних, вернули и заперли в пионерском лагере. Но из пионерского лагеря можно вернуться в прежнюю жизнь, а тут возвращаться некуда – разве что на тот свет. И в пионерском лагере не было высокого забора и охраны с вертушкой.

Ольгу Сергеевну невзлюбили соседки. За то, что «воображает о себе, фу-ты, ну-ты, было бы ково воображать, там воображать-то неково, ни кожи ни рожи, прости Господи». За то, что во время сплетен тихонько поднимается и выходит из комнаты. За то, что читает книжки и мечтает, «интилиг-енка». За гимнастику, за модную короткую стрижку и кукольный цвет волос, наконец.

Ольга Сергеевна честно пыталась наладить с соседками контакт, но смертельно скучны были одни и те же разговоры: кто как сходил с утра – колбаской али послабило, али, наоборот, заперло, нужно черносливу покушать.

…Итак, они станут гулять с серебряным стариком в аллейке, шаркая ногами в прелой листве, церемонно поддерживая друг друга под локоток. На пятничных и субботних вечерах, под баян одноглазого горбuna Бориса, стариk будет вальсировать только с Ольгой Сергеевной. Ну ладно, так и быть: под конец она позволит пригласить какую-нибудь подружку. Самую страшненькую.

Ничему не научила жизнь доверчивую Оленьку. Позволила ей размечтаться, расфанатизироваться, рассиропиться – и в очередной раз пребольно и обидно щёлкнула по носу, как девчонку. Как подружка в детстве: «Хочешь конфетку? Открой рот!» Простодушная Оленька с готовностью открывала («Шире! Ещё шире!»). И с демоническим хохотом всовывала туда какую-нибудь гадость, вроде извивающегося дождевого червяка или одуванчика.

Всё окончилось, не начавшись. За благородным стариком прислали низкий, длинный блестящий автомобиль и увезли – навсегда. Оказывается, его помещали сюда на передержку, временно, пока сын собирался на ПМЖ за границу. Он брал отца с собой – может, на Мальдивы, а может, на Сейшельы.

Чудное мимолётное видение мелькнуло и растаяло, как сон, как утренний туман. Ольгу Сергеевну пинком из ей грёз вышибло обратно в серую домопрестареловскую беспространность. Ах, как это было больно, больно!

.... Сергеевна! Разговор есть.

Она сидела на скамеечке, терзала на коленках носовой платочек и растревяла себя. Совсем некстати присел рядом одноглазый горбун Борис – местный Квазимодо: ещё одно наглядное напоминание об унизительности её пребывания здесь.

Левый глаз у него как будто собирался давно стечь, но на полдороге передумал и застыл, и помутнел, как куриный белок, спрятался под припухшей складочкой века. Небольшой конусовидный горб-холмик поддёргивал левое плечо и перекашивал пиджак.

К пиджаку на рукаве присохло что-то давнее, желтоватое, и вообще от баяниста пахло неопрятным телом. И весь он был неухоженный, суетливый, метр с кепкой. Таких в народе называют шибздиками, шпендриками и шмакодявками. Всё на букву «ш».

Но интеллигентность и природная приветливость возобладали. Ольга Сергеевна, промокнув глаза платком, вздохнула и воспитанно, в нос произнесла:

– Я слушаю вас, Борис Ильич.

Приободрившийся баянист кашлянул и начал посвящать Ольгу Сергеевну в свой план. Сначала заставивший её вздрогнуть, покраснеть и глубоко возмутиться, затем глубоко задуматься, а затем благосклонно обещать дать ответ через неделю.

Дело в том, что в доме престарелых старицам, решившим образовать семейную пару, давали отдельную комнату. Жить вдвоём, ежу понятно, лучше, чем в шестером. А что сосед противоположного пола – так, ёшкин кот, к восьмидесяти годам пол размывается, стирается и становится средним. Можно ширмочку поставить. Тем более Борис знал о себе, что в качестве мужчины его давно не рассматривали.

Вот он и придумал план: разыграть влюблённую пару, расписаться (фиктивно, понарошку!) и поселиться отдельно. Пусть Сергеевна не думает: он не пьёт, не курит, не зануда. А так он давно к ней приглядывался и выделял из всех: женщина грамотная, справная, чистая, не склонная.

– Одно условие, Борис Ильич: чтобы никаких гнусных пополновений с ваших стороны. Вы понимаете, о чём я. Будем соблюдать дистанцию. Да и следует вначале присмотреться: уживёмся ли вместе? Покладисты ли мы оба?

– Такое дело, Сергеевна, – кашлянул баянист. – Некогда присматриваться-то. На днях освободилась 116-я, зыряновская комната, царствие небесное Зырянычу. Комнатка на южную сторону, после ремонта свеженькая, чистая – как яичко. Санузел, кухонька – милое дело. Ковать железо нужно, пока горячо. Пока Роза (он имел в виду директрису дома престарелых Розу Семёновну) по командировкам кантуется. А завхоз, мой корешок, со 116-й комнаткой посодействует.

Борис Ильич не напрасно беспокоился. Директриса Роза Семёновна физически не выносила, когда в её заведении женились старики. До того багровела и горячилась, аж начинала заикаться. Молотила ладонью по столешнице:

– Моду взяли! Берутся ниоткуда, понимаешь, эти пыльные музыры, то есть я имею в виду, мыльные пузыри! Наду-ются на ровном месте. Всё равно ведь не сегодня-завтра пшик – и мокрое место. А туда же.

На регистрацию в загс молодые явились без гостей. По собственной инициативе притащилась только слюнявая имбецилка Нюша, по этому случаю нацепившая на седые волосы красный бантик.

Подружки Ольги Сергеевны как одна отказались, поджали губки, сослались на самочувствие. Соседки по комнате, те вообще плонули и обозвали Ольгу Сергеевну «проституткой».

Так всегда бывает: валялась под ногами неказистая вещь (имеется в виду Борис Ильич): никому не нужная, никто не замечал. Но стоит кому-то нагнуться и подобрать – тут же вещь заиграет, начинает казаться недосягаемой и прекрасной. Тем более, невеста жениха отпарила, отмыла, одела – все ахнули: мужик-то орёл! Орлина!

Ольга Сергеевна хотела отметить событие пирожными и какао в кафе, но Борис Ильич отговорил.

– Я в той кафешке на баяне играл, знакома мне ихняя кухня. Знаете, как работники кафе между собой называют посетителей? Падальщики. А вот лучше купим хорошего винца да пойдём на рынок, да выберем молодой говядинки. Я котлеток нажарю – пальчики облизнете.

И они действительно купили мяса, и Борис Ильич наготовил паровых котлет, каких Ольга Сергеевна в жизни не едала.

И стали фиктивные молодые жить да поживать. Скоро Ольга Сергеевна приметила, что за ширмой на стороне Бориса Ильича ночь напролёт горит настольная лампочка и шуршит газета. А днём он клюёт носом и норовит свернуться калачиком и покемарить. Тогда как следовало «поддерживать фикцию»: появляться чаще вместе в людных местах. После допроса с пристрастием Борис Ильич признался, что стесняется обеспокоить соседку каким-нибудь неконтролируемым во сне поведением. «Иногда непроизвольно матерок во сне проскакивает, извините, Ольга Сергеевна».

Ольга Сергеевна возмутилась и напала на бедного Бориса Ильича: выходит, сам-то он подслушивает её сонные чмоканья, похрапывания, и разные ики и пуки, это нечестно! Но в глубине души оценила его деликатность и стыдливость.

– Если вы меня уважаете, Борис Ильич, немедленно извольте прекратить ваши ночные бдения.

Борис оказался не только тактичным, но вполне уживчивым, неконфликтным, юморным дядькой. Смешил разными шуточками, так что первое время Ольга Сергеевна не переставая тряслась, прыскала и хихикала в кулак. В аптеке мог промаршировать вдоль витрин и лихо пропеть на мотив «Дан приказ ему на запад»:

... – И, взглянув на новый ценник,
Пожелала всей душой:
Если смерти, то мгновенной,
Если хвори – небольшой.

Сколько они уже жили – ни разу нессорились. Не назовёшь же ссорами лёгкие перепалки, вспыхивающие по пустякам и тут же гаснущие. Это когда Ольга Сергеевна, допустим, восхищалась летним закатом, а он парировал: «Что закат, Сергеевна? Мазня, дешёвка, грубая акварель. То ли дело ночное чёрное небо! Глубина, Тайна, могущество Создателя!»

И декламировал, завывал, махая руками и пугая старушек на скамейках:

– Открылась бездна звёзд полна.

Звездам числа нет, бездне – дна!

– Оставьте, Борис Ильич. Космос, хаотичные сгустки элементов таблицы Менделеева, холод, смерть. Бр-р. Ледяная пустыня, уныние, ощущение себя ничтожеством, песчинкой. Совершенно ни о чём.

– Напротив, Ольга Сергеевна! В той песчинке вся Вселенная умещается. Ибо сказано: человек есть Вселенная. Причастность к великому, божественное предназначение. Дух захватывает!

Это разве ссоры? Это и не ссоры вовсе.

Оба любили гулять. В одну из прогулок Борис посвятил Ольгу Сергеевну в свою горькую историю, которых в каждом доме престарелых – полна коробочка.

Жил, работал технологом на химическом производстве. При аварии ослеп на один глаз и получил травму позвоночника. Вышел на пенсию, научился зажигательно играть на баяне и подрабатывал (башлял) в кафе. Платили хорошо, плюс щедрые чаевые, плюс пенсия. Семья с коммуналки расширилась до двушки, потом купили трёшку.

Жена умерла, дети выросли и разлетелись. Только любимый внук остался. Хороший мальчик: не пьёт, не колется, не курит травку. Очень хороший, отличный мальчик по нынешним временам. Будет на старости лет покойить деда. Борис Ильич решил на него переписать квартиру. В отделе приватизации отговаривали: обратного хода не будет. Сколько случаев, когда старики потом локти кусают, слезами умываются.

Так и вышло. Внук получил зеленоватую гербовую бумагу и помахал ею под носом у деда: «А квартирка-то теперь моя, дед». И так нехорошо, загадочно ухмыльнулся, что у Бориса Ильича засосало под ложечкой.

Внук привёл жену, родились правнуки. Правнуки проходу не давали, «расстреливали» деда из игрушечных автоматов. Дразнили: «Борис – тракторист, председатель дохлых крыс!»

Его выселили в коридорчик за ширму. Сноха однажды толкнула так, что сломала руку. Участковый уговорил составить исковое заявление. Но едва рука начала заживать, первое, что сделал Борис Ильич: немеющими пальцами написал отказ от возбуждения уголовного дела. Не по-людски это, не по-божески: с родной кровью судиться.

Ну, что. Чем так, лучше никак. Лучше дом престарелых. Ольга Сергеевна нагнулась (она была выше Бориса Ильича) и поцеловала фиктивного супруга в плешившую голову. А он, тянясь на цыпочках, тычась, благодарно мокрыми щеками извозил лицо Ольги Сергеевны. И оба неловко, стыдясь, искали сморщенными губами друг друга.

– Боринька мой!

– Олюшка!

«Тили-тили-тесто, жених и невеста!» – пищала из кустов имбецилка Ниша.

Оба вошли в тот возраст, когда природа: солнце и облака, ветер, снегопад – стали гораздо интереснее самого захватывающего фильма по телевизору.

Обсудили этот факт и поняли: ой как мало отпущено человеку времени наблюдать чудо божие: небо, солнышко, траву. Только к цыплячье старости начинаешь это понимать и спешишь использовать каждую минутку. Жмуряясь, греешься в мяконьких байковых лучах солнышка, пощёлкиваешь клювиком, томно тянешь лапки, как разомлевший цыплёнок.

Когда зарядили колючие осенние дожди, сидели дома. Уютно пахло Борисовыми котлетками, кот на коленях хозяйки растекался и свисал на пять сторон лапами и пушистым хвостом. Смотрели телевизор, преимущественно советские передачи и фильмы. Вставляли разные умные замечания и комментарии.

Вон «Блондинку за углом» давеча показывали. Там бывшая учительница (артистка Ханеева) весь фильм орёт как резаная, потому что будто бы сорваны связки. Так никчёмная это учительница, единица, «неуд» этой учительнице за непрофессионализм.

Вот Ольга Сергеевна всю жизнь в школе проработала и умела держать железную дисциплину. Ни разу голос не повысила, а ребятки её слушались, в рот смотрели, муха пролетит – слышно было. До сих пор каждые 1 сентября и 8 марта приходят в дом престарелых, приносят тортик и цветы любимой учительнице. А вы говорите.

– Какая ты у меня славная, талантливая, Оленька!

Вообще, щемило сердце, светло и грустно было наблюдать в какой-нибудь передаче «Вокруг смеха» залы с плохо, одинаково, серо одетой советской публикой. А лица были хорошие, славные, простые и наивные. Люди доверчиво смотрели на сцену, смеялись и хлопали – такой сплошной большой ребёнок.

Вообразить в страшном сне не могли, что ждёт впереди. Но так же восторженно и наивно слушали человека с родимым пятном на лбу, и били в ладоши. И, нетерпеливо подняв лица и зачарованно распахнув глаза, ждали: сейчас, вот сейчас развернут нарядную блестящую коробочку, а там – ап! – чистенький готовенький коммунистический капитализм, как в Швеции.

Но никто шведский капитализм на блюдечке преподносить не собирался, а как раз наоборот – из красивых обёрток скалил зубы дикий чёрный, чёрный капитализм. Это было безбожно и бессовестно – так обидеть большого доверчивого ребёнка. Как заманить в джунгли и бросить на растерзание хищникам.

– Какой вы умница, Борис Ильич! Вам бы депутатом баллотироваться.

Директриса Роза Семёновна держала персонал дома престарелых в ежовых рукавицах. На его (персонала) лицах навсегда приклеилось зависимое, просительное выражение: «Ну пожалуйста, ну Розочка Семёновна, дайте нам взаймы!» А в её глазах читалось жёсткое ответное: «Не дам! Отзыньте!»

Она шла по коридору, и её ноздрей коснулся дразнящий, раздражающий, совершенно возмутительный, неуместный, чуждый и противоречащий устоям дома престарелых, запах нежных сочных домашних котлет.

От котлетного запаха текли слюнки, он смело и юно перебивал въевшиеся запахи хлорки, кислой капусты, мочи и дешёвого освежителя воздуха. Он мог вызвать у обитателей дома престарелых совершенно нежелательные и непредсказуемые ассоциации: с домашним уютом, теплом, с прежней жизнью и, страшно подумать, с семейным счастьем.

Крамольный запах доносился из 116-й, бывшей зыряновской.

Под ноги Розе Семёновне,мявкнув, метнулся пушистый круглый, как мячик, кот. Она его раздражённо поддела остриём туфли, швырнула в угол – тот взревел дурным голосом и стрелой унёсся, пропал в лабиринтах коридоров.

Роза Семёновна вернулась в кабинет в дурном расположении духа, велела принести всю отчётную документацию за период своей долгой отлучки. Просмотрела, швырнула папку. Вызвала ближайшее окружение, устроила разбор полётов.

– Это что у нас опять за пыльные музыры всплыли, то есть, конечно, я имею в виду мыльные пузыри, а?! Я для того 116-ю ремонтировала, чтобы эта сладкая парочка в ней своё личное счастье устраивала?! Кто позволил? У меня вип-клиент на подходе, а 116-я, видите ли, занята!

– Но что делать, Роза Семёновна? Переселить некуда, всё забито, дом не резиновый... Не разведёшь ведь, печати в паспортах стоят.

– Заныли. Раньше соображать нужно было. Сейчас остаётся действовать. Родственники вип-клиента поджимают.

Роза Семёновна перевела взгляд на главную медсестру. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, впившись зрачок в зрачок, как тяжеловесы, единоборцы сумо.

– Кого, Роза Семёновна?

– А то не знаете, – раздражённо прикрикнула. – Дюймовочка вы наша. Нечего глазками хлопать, целку из себя строить. Не мне учить. – Немного остыv, рассуждала: – Без баяниста нам никуда. Без музыкального сопровождения танцульки и концерты самодеятельности не оставишь. Соображайте. Ищите, что у неё? Сердце, давление, сахар? Ступайте, и бог и медкарта вам в помощь.

Завхоза задержала в дверях:

– Всех котов-нелегалов немедленно изловить и усыпить. Развели тут без меня антисанитарию.

Кабинет опустел. Роза Семёновна в задумчивости пощёлкала тяжёлым перстнем по телефонному аппарату. А не отправить ли любвеобильную старушку на обследование в областной диспансер, где специализируются на Альцгеймера? Естественно, обследование затянется, выявятся проблемы... Тем более, у тамошней главврачихи имеется давний долгож перед Розой Семёновной. Тоже вот так возник вопрос по неудобному старичку в щекотливой ситуации.

Правда, дурында медсестра что-то лепетала о слабеньком сердце сиреневой старушки: выдержит ли переезд, разлуку и прочие старииковские сиропные сопли-вопли... Ну да, все под Богом ходим, от судьбы не уйдёшь.

Ольга Сергеевна сидела на облаке в обнимку с котом, болтая ножками, и любовалась закатом цвета спелой облепихи. И не было рядом Бориса Ильича, чтобы сказать, что закат – это

мазня и акварелька… Но ей не было грустно. Всё казалось новым, удивительным, по-детски любопытным. Она летела так стремительно, что захватывало дух.

Осадлав соседнее облачко, управляя им тростью, лихо пронёсся стариk с развеивающимися по ветру серебряными прядями. Ольга Сергеевна приветливо покивала ему, как старому знакомому.

А может, это был другой стариk. А тот, серебряный, не пришёлся ко двору на Сейшелах, и его с его великолепным чемоданом вернули в опустевшую 116-ю. Ольга Сергеевна об этом никогда не узнала. Она устроилась удобнее в мягким облаке, которое тут же податливо, с готовностью приняло под ней форму кресла-качалки.

Лететь предстояло приятно и долго. Куда, она не знала, но что путешествие предстояло приятное и долгое – это точно.

ИСПОЛНИТЕЛЬ ЖЕЛАНИЙ. ДВУХРАЗОВЫЙ

– Это что, ядерный чемоданчик?

Лена сквозь слезы смотрела на картонную коробку, криво оклеенную серебряными бумажками от шоколада. На дне кусок поролона, в нем торчат две пробки от «пепси»: красная и синяя. Каждая пробка укрыта прозрачными полусферами-колпаками: вырезанными донышками от тех же «пепси». Разбей колпак, нажми на кнопку и...

– Это исполнитель желаний. Мальчик из коррекционной школы подарил Анне Емельяновне. Она у них кружок «Умелые руки» вела. Все восхищалась: вот, мол, больной ребенок, а сколько фантазии. Нажмешь, дескать, красную кнопочку «ВКЛ» – желание исполнится. Синяя кнопка, видите: «ВЫКЛ» – отмена желания. Умничка какой мальчик.

Действительно, на коробке фломастером неверной детской ручонкой было выведено: «Исполнитель желаний. Двухразовый».

Лена высыпалась в платочек, который было хоть выжимай. Последние дни, как узнала о смерти мамы, плакала не переставая. Не укладывалось в голове, не верилось в происшедшее. Как будто одна-одинешенька осталась на Земном шаре. Будто Елену Сафоновну, пожилую солидную женщину с учеными степенями, как голеньку, заливающуюся плачем новорожденную девочку бросили, забыли в роддоме. Как будто незримый экран, надежно защищающий ее, упал и открыл всем ветрам. Мамочка моя, тихая седенькая мамочка!

Второй день они с соседкой разбирают вещи в уютной, с таким родным запахом квартирке. Лена любовно перебирает мамины вещицы. То и дело подымает глаза и обводит углы и потолок (где еще может витать душа, как не вверху?) Почти физически чувствуется мамино присутствие.

Несколько туго набитых баулов увезли в дом престарелых. Одежду похуже развесили на края мусорных мульд – для бомжей. Просто бытового хлама спущено в мусоропровод – не счастье. Лена при жизни называла маму «Плюшкин».

Самое большое потрясение Анна Емельяновна испытала в последние двадцать лет. Сколько Леночка помнила свое детство, полку в их кухне украшала бутылка из-под болгарского коньяка. Еще стояла банка из-под кофе, в котором содержался сначала собственно кофе, по большим праздникам отмериваемый по нескольку кручинок на стакан, потом хранились специи, потом пуговицы... Гости косились на импортные бутылку и банку и, возможно (Анне Емельяновне хотелось так думать), с завистью думали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.